

Мы въ половинѣ XIX вѣка.

Не жди, чтобы цвѣла страна
 Гдѣ царство власти—не разсудка,
 И гдѣ зависить все отъ сна
 Иль отъ сваренія желудка.
 Гдѣ есть законъ на то чтобъ знать,
 Какъ онъ безмолвенъ и не проченъ,
 И гдѣ звѣздами лечатъ знать
 Отъ заслуженныхъ ей пощечинъ.
 Гдѣ много есть доходныхъ мѣстъ
 Для угнетенія и позора,
 Гдѣ вѣшаютъ на вора крестъ,
 А не на крестъ вдѣваютъ вора.
 Гдѣ низость доставляетъ чинъ,
 А чинъ даетъ на взятки право,
 Гдѣ тотъ кто ползаль—исполинь,
 Кто прямо шелъ—упалъ безъ славы.
 Гдѣ за словечко цензоровъ
 Стращаютъ пытками тиранства,
 Гдѣ можно родину продать,

 И ей же вновь служить шпиономъ.
 Гдѣ съ дѣтства учать фронтной,
 Изъ школъ подѣлали казармы,
 Гдѣ управляетъ всей страной
 Фельдфебель съ палкой да жандармы.

Въ 1853 году и А. С. Хомяковъ писалъ, что Россія

Безбожной лести, лжи тлетворной
 И лѣни мертвой и позорной,
 И всякой мерзости полна.

Но вѣщій поэтъ звалъ свою родину къ покаянію.

Съ душой колѣнопреклоненной,
 Съ главою лежащею въ пыли,
 Молись молитвою смиренной,
 И раны совѣсти растлѣнной
 Елеемъ плача изцѣли.

Севастопольскіе громы очистили атмосферу.

П. Б

